

конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г. экстремизм определяется как «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них», а терроризм трактуется как «деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, а также нанести значительный ущерб какому-либо материальному объекту, равно как организация, планирование такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения ...», помимо этого, включая отсылку к дефинициям вышеперечисленного списка конвенций.

В законодательстве отдельных государств с учетом национальной специфики также закрепляются различные дефиниции экстремизма и терроризма. В Республике Беларусь действует Закон от 03.01.2002 «О борьбе с терроризмом», содержащий развернутую характеристику терроризма как особо опасного противоправного явления. В 2008 г. был принят Закон Республики Беларусь «О противодействии экстремизму», определяющий характерные черты экстремизма и устанавливающий систему мер по предупреждению и пресечению экстремистской деятельности. Очевидно, данные определения во многом имеют «перекрестный» контент и взаимосвязаны между собой. Таким образом, в современном юридическом дискурсе экстремизм и терроризм понимаются как противоправная деятельность, основанная на приверженности крайним взглядам и направленная на насильственное изменение основ конституционного строя, нарушение общественной безопасности, прав и свобод граждан.

Васько О. И.

**К ВОПРОСУ О РАЗРЕШЕНИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО СПОРА
МЕЖДУ МАЛАЙЗИЕЙ И СИНГАПУРОМ ОТНОСИТЕЛЬНО
СУВЕРЕНИТЕТА НАД ПЕДРА-БРАНКА**

Васько Ольга Игоревна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kdrot.si@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук Емельянович О. В.

Территориальный спор – это конфликт между двумя или более государствами, связанный с их притязаниями на определенную территорию. Территориальные споры по-прежнему остаются одним из самых острых

вопросов в отношениях между государствами. Исторически территориальные споры часто разрешались силой, что являлось угрозой международной безопасности и стабильности. В современном мире государства для разрешения своих территориальных споров в мирном порядке могут обратиться в Международный Суд ООН, который является важным инструментом для урегулирования споров между государствами на основе международного права.

Решения Международного Суда ООН имеют прецедентный характер, и для понимания их значения необходимо рассмотреть конкретное дело. Анализ такого дела позволит изучить правовые аргументы сторон, увидеть практическое применение международных договоров и проанализировать факторы, которые влияют на решение Международного Суда ООН.

Представляет интерес территориальный спор, рассмотренный Международным Судом ООН, между Малайзией и Сингапуром относительно суверенитета над Педра-Бранка/Пулау-Батупутех. Со своей стороны Малайзия утверждала, что обладает исконным правовым титулом на остров Педра-Бланка и остров «не мог в какое-либо соответствующее время рассматриваться как *«terra nullius»* и быть объектом приобретения посредством завладения» со стороны Сингапура. Сингапур же утверждал, что определенные исторические события свидетельствовали о вступлении острова со статусом *«terra nullius»* во владение *«à titre de souverain»* посредством «законного завладения».

В контексте рассмотрения статуса Педра-Бранка Международный Суд ООН обратил внимание на *имеющие значение договоры*. А именно имеет значение Англо-Голландский договор 1824 г., заключенный между Великобританией и Нидерландами (далее – Договор). Данный договор, определяющий сферы влияния в регионе, имеет ключевое значение для решения вопроса о статусе острова. В соответствии со ст. 12 Договора, Нидерланды снимали свои возражения против занятия Великобританией острова Сингапур, а Великобритания согласилась не открывать никаких представительств на островах Каримон, на островах Батам, Бинтан, Лингин, а также на прочих островах к югу от Сингапурского пролива, и обязалась не заключать никаких договоров с тамошними властителями. Анализ содержания статьи позволяет заключить, что все острова, расположенные к югу от Сингапура, как и сам Сингапур, относились к британской сфере влияния. Следовательно, остров Педра-Бранка, находясь в этой зоне, может быть рассмотрен как часть территории Султаната Джохор (ныне штат Малайзии), которая в то время находилась под британским протекторатом в соответствии с заключенным договором. Этот факт опровергает версию о том, что Педра-Бранка являлась *«terra nullius»*.

Продолжая рассматривать договоры, Международный Суд ООН рассмотрел Крофурдский договор 1824 г., в соответствии с которым Султан и Теменгонг Султаната Джохора уступили Ист-Индийской компании остров Сингапур, вместе с прилегающими к нему островами в пределах десяти географических миль от побережья указанного главного острова Сингапур.

Как утверждала Малайзия, спорная земля находилась за пределами обозначенного расстояния, и потому Педра-Бранка продолжала принадлежать Султанату Джохор. Однако и этот факт не являлся для Международного Суда ООН определяющим суверенитет Малайзии над островом, поскольку не служил прямым доказательством признания суверенитета над Педра-Бранка.

Для Международного Суда ООН имеет значения последующее поведение сторон. В 1836 г. на спорной земле началось строительство Хорсбургского маяка государственным инспектором Сингапура Джоном Томсоном. В данном случае имеют значение два обстоятельства: Султан и Теменгонг дали согласие на строительство маяка в Сингапурском проливе, а на церемонии закладки фундамента не присутствовал никто от джохорских властей. Таким образом, Султанат Джохор не возражал против строительства маяка британскими властями. В частности, также была изучена переписка 1953 г. между секретарем Сингапура и британским советником Султаната Джохор, которая касалась толкования Крофурдского договора, в том числе вопроса о суверенитете над островом Педра-Бланка. Анализ этой переписки позволяет сделать вывод, что Султанат Джохор не претендует на право собственности в отношении острова. Данное обстоятельство является дополнительным аргументом в пользу того, что Султанат Джохор не считал остров своей территорией, следовательно, учитывая сказанное ранее, Сингапур беспрепятственно осуществлял фактический контроль и административное управление островом, с молчаливым согласием властей Султаната Джохор. Данные обстоятельства являлись ключевыми для решения Международного Суда ООН.

Международный Суд ООН, всесторонне исследовав все обстоятельства, приходит к заключению, что суверенитет над островом Педра-Бланка принадлежит Сингапуру.

Таким образом, в результате рассмотрения дела, касающегося суверенитета над Педра-Бланка, был создан прецедент, который имеет значение для формирования прецедентного права в практике Международного Суда ООН.

Головач П. Н.

**О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ В РАМКАХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА
БЕЛАРУСИ И РОССИИ**

*Головач Павел Николаевич, студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
pavelgolovac65@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук Емельянович О. В.

Актуальность данного исследования заключается в необходимости анализа и корреляции норм концепций национальной и информационной безопасности Республики Беларусь с концепцией информационной